

А. ВОЛЫНСКИЙ

Символы (песни и поэмы)

В 1888 г. г-н Мережковский издал небольшой томик стихотворений, не имевший никакого успеха. Легкий и плавный версификатор, г-н Мережковский поразил искусственностью тона, риторической декламацией, фальшивостью придуманных настроений. Книжка молодого автора появилась почти вслед за первыми изданиями стихотворений Надсона и Минского, и публика так же, как и литературная критика, не могла не заметить, что поэтическое песнопение г-на Мережковского в большинстве случаев представляет перепев — без увлечения, даже без особой внешней силы выражений — тех мотивов, которые, хорошо ли, худо ли, разрабатывались названными поэтами. У Надсона была одна болезненно дребезжащая струна, на которую откликнулось, по странной прихоти судьбы, такое множество народу, что получилась удивительная иллюзия: среднее, хотя в общем симпатичное дарование сделало впечатление чего-то оригинального и сильного. Шум рукоплесканий, громкие, настойчивые крики некомпетентной массы создали вокруг молодого поэта разгоряченную атмосферу, почти такую же, какая выпадает на долю истинных и замечательных талантов... А молва разносила от края до края печальное известие о неизлечимом недуге, физических страданиях Надсона. Писатель с невыяснившимся призванием, с неглубокими и не всегда правдивыми настроениями вдруг оказался славным преемником традиций Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Посыпались лавры, цветы, где-то сделана была Надсону шумная овация: взволнованная толпа, расступившись и рукоплеская, давала дорогу больному поэту, и, расходясь, восторженно повторяла знаменитые слова: «облетели цветы, догорели огни...». А тут еще приключилась в высшей степени импонирующая и романтически-обаятельная история: светская красавица с чудными глазами написала поэту золотым пером

девьянство второй пробы ряд писем, полных грациозного кокетства, возвышенной любви и восторженных похвал, похвал без конца. Графиня Лида так и писала Надсону: «Вы должны жить, вы будете жить, вы обязаны жить, так как ваш талант необходим для людей, как необходимы для них свет, тепло, воздух, пение и музыка». Когда после смерти Надсона обнародована была переписка его с графиней Лидой, впечатление получилось головокружительное. Казалось, будто вся Россия была у ног поэта: лавры от разночинной интеллигенции, благоуханные цветы от нежно влюбленных светских красавиц. Признание демократических масс и признание тонкое, опьяняющее, аристократическое — золотым пером на душистой веленовой бумаге. Такого почета не удостоился ни один поэт донадсоновского периода, и, можно сказать, литература наша раскололась на две половины — до Надсона и после Надсона, с цветами и без цветов, с нервзобурными аплодисментами и без аплодисментов.

Значительный успех выпал на долю и другого поэта — г-на Минского. Г-н Минский пользуется известностью и в настоящее время, и мы думаем, что эта известность основана на прочных началах. Несмотря на недостатки формы и стиля, в стихах его чувствуется глубина умственных настроений и серьезная вдумчивость незаурядной натуры. Философский элемент в произведениях г-на Минского очень часто выкупает неудачный оборот речи, искусственно патетические тирады и тот недостаток мягкости и нежности, который так мешает лирическому творчеству. Г-н Минский не имел успеха, равного успеху Надсона, но успех все-таки он имел — не большой, но искренний, без газетной рекламы, без романтических фальсификаций, без ненужных и раздражающих претензий и воплей. Писатель должен завоевать себе место честным трудом и посильным служением идеалам литературы, искусства. Всякое содействие со стороны, всякого рода принудительное воздействие на публику, слишком впечатлительную к газетному и журнальному шуму — литературное преступление по отношению к самому писателю. Каково бы ни было дарование г-на Минского, оно, во всяком случае, заслуживает уважения и симпатии, и место, занимаемое им в рядах действующей литературы, завоевано именно честным и самостоятельным трудом.

Таковы ближайшие предшественники г-на Мережковского — Надсон и Минский. Между этими двумя гранями сложились главнейшие его поэтические произведения, вошедшие в первый томик его стихотворений. И дребезжащая струна Надсона и рассудочно-поэтическая диалектика г-на Минского отразились в

стихотворениях г-на Мережковского. Вся самостоятельная, не переводно-компилятивная часть книги оказалась каким-то литературным вариантом уже знакомых стихотворений, с очень крупными, бросающимися в глаза недостатками: перепев г-на Мережковского фальшиво-тенденциозен, резонерски холоден, то вял и растянут, то несдержанно-криклив и несдержанно патетичен.

В небольшом лирическом стихотворении — чтобы оно произвело впечатление, — должны сосредоточиться самые разнообразные достоинства: музыкальная форма, сжатые образные выражения, меткость и яркость поэтических уподоблений. В лирическом произведении должна быть красота, должно быть искреннее чувство, свободное изливание душевного настроения. Одна крикливая нота способна все испортить. Один ходульный, браваурный оборот речи может рассеять всю поэтическую иллюзию. В первом сборнике стихотворений г-на Мережковского мы не нашли ни одного стихотворения, в котором пустая и бессильная риторика не резала бы уха своею претенциозностью и манерностью. И при этом — ни тени простой сердечности, простого искреннего отношения к себе и к читателю. Одно стихотворение в этом сборнике можно считать в своем роде классическим. Была любовь, но вот наступило разочарование. Любовь не изображена, но разочарование обосновано в духе надсоновской музыки:

Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный,
 Я вновь к тебе приду, как нищий, умолять,
 Тобой отвергнутый, тобою вечно полный.
 Чтоб ты позволила у ног твоих рыдать?
 Напрасная мечта! слыхала ль ты порою,
 Что в милой праздности не все, как ты, живут,
 Что *где-то* есть борьба, и мысль, и честный труд,
 И что пред ними ты — ничто с твоей красою?
Смотри, — меня зовет огромный, светлый мир:
 Есть у меня бессмертная природа,
 И молодость, и гордая свобода,
 И Рафаэль, и Данте, и Шекспир!

.....
 Ты гнева моего, поверь, не заслужила, —
 Но если б ты могла понять, какая сила
 Была у ног твоих...

Стихотворение это подписано 1886 годом. Но в 1891 году горделивое самочувствие, сознание в себе огромной силы не покидало молодого поэта. В стихотворении «Везувий», напечатанном среди других многочисленных «символов» г-на Мережковского, поэт с высоты огнедышащей горы посылает сочувственный при-

вет, как равный равному, светлому легендарному герою Прометею:

...К бездне

Я подошел и в кратер заглянул:
 Горячий пар клубами вырывался...
 Я счастлив тем, что нет в душе смиренья
 Перед тобой, слепая власть природы!..
 Я здесь стою, *никем не* побежденный,
 И к небесам подняв чело,
 Тебя ногами попираю,
 О древний Хаос, праотец вселенной.

Это не поэма, а чистейшая рисовка. Когда поэт говорит, заглянув в кратер вулкана: «Тебя, о древний Хаос, ногами попираю» — читателю приходит на ум, что автор в своей неискренности сбивается на ложный путь чисто мелодраматических эффектов. Мало ли сколько ног перебивало на Везувии, мало ли кто взбирался на вершину вулкана, и однако же никто с такою откровенностью не состязался с ним в могуществе. В нашей литературе, кажется, только г-н Мережковский вздумал окончательно притоптать, раздавить или одним дыханием гения сгромыхнуть в бездну небытия этот злополучный вулкан.

Кроме оригинальных стихотворений в двух книжках г-на Мережковского есть немало поэтических компиляций на различные темы. «Протопоп Аввакум», «Дон Кихот», «Сакья Муни», «Франциск Ассизский», «Возвращение к природе» и другие вещи написаны по различным литературным пособиям и где было возможно — с фотографической верностью оригинальным документам. Г-н Мережковский — неутомимый работник, и путь стихотворных компиляций, переводов ему вполне по силам. В «Прометее» чувствуется способный переводчик, умеющий если не всегда верно и точно передать, то во всяком случае — понять основную мысль переводимого текста. В буддийских легендах некоторые отдельные строчки, так сказать, выписаны не без увлечения и чувства. Перевод, компиляция — естественная сфера для дарования г-на Мережковского, и в этой сфере поэта, по-видимому, привлекают имена действительно замечательных и достойных хорошей передачи авторов древнего мира.

Новый сборник стихотворений г-на Мережковского — «Символы» — отмечен такой своеобразной печатью, что о нем стоит сказать несколько слов. Г-н Мережковский, по-видимому, распрощился с прежними гражданскими темами. Новые веяния должны иметь своего поэтического истолкователя, а г-н Мережковский обладает достаточными дарованиями для всякого рода

литературных переделок и компиляций — то в форме стихотворного рассказа, то в форме полулирического, полурезонерского монолога. Между книжкой стихотворений г-на Мережковского, изданной в 1888 году, и только что появившимися в издании г-на Суворина «Символами» — пропасть очевидная и крайне любопытная.

Вся эта новая книжка г-на Мережковского представляет собою почти сплошное философствование на религиозную тему. Если бы все эти длинные поэмы — «Вера», «Смерть», «Возвращение к природе» — были одушевлены живым и искренним чувством, то при недостатках чисто художественного свойства — вымученных красках, подражательном стихе, отсутствии серьезного психологического материала и характеров — эти поэмы могли бы все-таки иметь некоторое литературное значение. Молодое литературное поколение воспитывалось до сих пор в слишком узком кругу односторонних, утилитарных понятий, и можно было бы только порадоваться всякой попытке расширить горизонт поэтического созерцания, раздвинуть пределы поэтического творчества. К сожалению, попытка г-на Мережковского имеет все признаки расчетливой тенденциозности: черты мистицизма, рассеянные в «Символах», являются какими-то случайными придатками к совершенно обычным и банально разработанным сюжетам. Это не увлекательная и чистая струя восторга, бьющая из глубины души, а какое-то случайное веяние извне, какая-то аффектация молодого стихотворца, легко отдающегося попутным течениям. Все эти длинные, растянутые и наполовину бессодержательные поэмы с удовольствием отдашь за одно небольшое, но искренно прочувствованное стихотворение, написанное с действительным талантом, не исковерканное никакою игрою на повышение тех или других философских принципов.

«Вера», быть может, лучшее поэтическое произведение г-на Мережковского, но и здесь слишком много деланных стихов, растянутых описаний и пылких возгласов. Лирические отступления в этой поэме либо чересчур прозаичны, либо чересчур приподняты в расчете на впечатление импонирующего величия. Герой рассказа, похоронив любимую девушку, сразу совершенно перерождается.

Он стал сердечней, проще и добрей,
Урок судьбы прошел ему не даром,
Сергей под первым жизненным ударом
Окреп душой...

Один удар — и глупый фразер обернулся блестящим, любящим и преданным отечеству ученым профессором.

В большой аудитории шумит
 Толпа студентов...
 Толпы затихли. Все внимания полны.
 Он говорил, и речь его лилась
 С волнующей сердца свободной силой...

Таков заключительный эпизод поэмы, а вслед за ним — лирическое отступление автора в четырех патетических куплетах:

Бог помочь всем, кто в наш жестокий век
 Желает блага искренно отчизне.
 В нем навсегда не умер человек;
 Кто ищет новой веры, новой жизни,
 Кто не изменит родине вовек!

Смысл всех своих символов г-н Мережковский сообщает нам в стихотворении «Бог», которым открывается его новая книжка.

Я Бога жаждал — и не знал
 Еще не верил, но любя,
 Пока рассудком отрицал,
 Я сердцем чувствовал Тебя,
 И Ты открылся мне: Ты — мир,
 Ты — все. Ты — небо и вода,
 Ты — голос бури, Ты — эфир,
 Ты — мысль поэта, Ты — звезда...

Чтобы все осветить лучом божественности — вопреки непосредственному и жгучему чувству разлада между миром внешним и внутренним, между поэзией внешних красок и поэзией внутренней скорби и внутренних радостей — нужны необычайные творческие силы, нужен талант Гете, Шелли, а не тот талант мелкого пошиба, с ничтожно-горделивыми мечтаниями, с вечным шатаньем справа налево и слева направо по всем путям возможного литературного успеха, которым наделены писатели наших дней. Для великих литературных задач требуются сильные характеры, величавые натуры.

Попроще, поменьше лomanья, побольше искренности! Таланты растут только в освежающей атмосфере искренней гуманности и труда в *поильных* литературных пределах. Всякая фальшь перед самым собой отравляет душу, как яд. Она умалывает и понижает внутренние силы.

